

Т.М. НИКОЛАЕВА

ОБ ОДНОМ СХОДСТВЕ СЛАВЯНСКОЙ И ФИННО-УГОРСКОЙ ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ

1. Разнообразные исследования по типологическому изучению интонации высказывания показывают, что восходящая мелодика и ее функциональные варианты в гораздо большей степени дифференцируют языки, чем нисходящая мелодика¹. Тип различия восходящей мелодики оказался значимым и для семьи близко родственных языков². Так, для славянских языков особенно явно противопоставленными оказались две доминантные фигуры восходящей мелодики; они как бы разбивают славянские языки на две группы: западную и восточно-южную. Первая фигура характеризуется низким положением тона на ударном гласном и повышением тона на заударном (заударных) вплоть до самого последнего слога:

Вторая фигура — это резкий подъем на ударном слоге (или его повышенное положение) с последующим падением тона, начинающимся на этом же ударном или на заударных слогах:

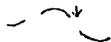

Для передачи общего вопроса в западнославянских языках в основном используется первая фигура, вторая же передает переспрос и сопоставительный вопрос с *А*. Напротив, в южнославянских (и особенно — в восточнославянских языках) ситуация противоположная: вторая фигура передает общий вопрос, а первая — переспрос и сопоставительный вопрос с *А*. По нотации Е.А. Брызгуновой, первая фигура может быть обозначена как ИК-4, а вторая — как ИК-3³. Разумеется, речь идет о количественном преобладании типа фигур, поскольку обе фигуры известны всем славянским языкам, на функциональном же уровне известны промежуточные случаи.

В группе восточнославянских языков в максимальной степени тип общего вопроса с терминальным падением тона представлен в русском языке. Употребление этого типа становится все более частотным (на очень интересных, по нашему мнению, причинах его распространения мы не останавливаемся, чтобы не отвлекаться от чисто типологических проблем). Еще одно свойство интонации русского высказывания — легкость перенесения интонационного центра, точнее, интонационного максимума, на начало фразы, ее второй сильный участок, сочетаясь с фигурой ИК-3 в общем вопросе, способствует в целом тому, что интонация общего вопроса напоминает по графической репрезентации повествовательную: *Были вчера на концерте?*

Именно такой тип русского вопроса часто воспринимается носителями тех языков, где восходящая мелодика идет в общем вопросе до конца, как тип повествовательного высказывания, а не вопросительного, что создает хорошо известные и описанные сложности в общении и в обучении русской интонации. В восточнославянской системе это совпадение контуров мелодики вопроса и повествования компенсируется очень высоким положением главноударного слога, так что вопрос—ответ отличаются не конфигурацией, а уровнем: *Гуляли?*

и *Гуляли*.

Интересно, что именно такое регистровое противопоставление для интонации вопроса-ответа в севернорусских говорах описывает Р.Ф. Пауфошима в статье, публикуемой в настоящем сборнике⁴. К ее положениям мы еще вернемся.

Анализ типологии мелодических фигур славянского ареала заканчивался в нашей книге 1977 года сопоставлением фактов славянской интонации и фактов интонации неславянского окружения славян. Выяснилось, что фигура мелодики общего вопроса с заударенным падением (ИК—3) объединяет восточнославянские языки с финноугорскими, тогда как, что существенно, не только западные языки Европы, но и тюркские языки употребляют при общем вопросе тип мелодики с конечным повышением. Эти типологические результаты тогда показались неожиданными, однако, работы других исследователей, после 1977 г., подтвердили эти выводы⁵.

2. Вместе с тем несомненно, что подобные типологические сопоставления должны быть верифицированы посредством новых, специально проведенных экспериментальных наблюдений. Важны и соображения универсальной и типологической интонологии в целом.

Выше говорилось о том, что русское вопросительное предложение с падающим мелодическим исходом и начальным интонационным центром может по слуховому восприятию и по рисунку контура напоминать повествовательное⁶. Поэтому, строго говоря, вывод о том, что вопросительные предложения со значением общего вопроса в финноугорских языках кончаются мелодическим понижением, еще не свидетельствует о том, что в этих языках вообще существует интонационное различие вопроса и утверждения. Именно на такой негативной позиции стоит А. Ивонен, обследовавший интонацию общего вопроса в финском языке и пришедший к выводу о том, что в этом языке вопрос и утверждение интонационно совпадают⁷. См. также подобную точку зрения на типы интонации в эстонском языке: "В эстонском языке интонация слова и всякого предложения всегда нисходящая. В русском же языке употребляется и восходящая интонация в некоторых особых случаях"⁸.

Априорным свидетельством в пользу важности не только контура, но и регистровых противопоставлений явились опубликованные в последнее время интересные работы по интонации вопроса-утверждения

в универсальном человеческом аспекте. На универсальности языкового разделения общего вопроса и интонации повествования неоднократно настаивал Д. Болинджер⁹. В одной из своих последних работ, обследуя множество языков самой различной генетической принадлежности, он еще раз приходит к выводу, что восходящая интонация при вопросе обязательна. В его интонологическом мировоззрении восходящая интонация — это подъем мелодики. И однако очень интересным оказалось его же собственное мимолетное замечание о том, что "долго живущие за границей русские заменяют свое "подъем — падение" (rise — fall) простым конечным подъемом"¹⁰. Как видим, Д. Болинджер не повсюду наблюдал универсальный конечный подъем при вопросе, с одной стороны; с другой стороны, неслучайно это замечание относится именно к русскому вопросу.

Более широко функциональная дистрибуция восходящего и нисходящего тонов обсуждается в последних работах известного фонетиста Дж. Охала¹¹, который связывает низкий тон с уверенностью, независимостью, высокий — с подчиненностью, слабостью и неуверенностью.

Поэтому высок голос самок, поэтому на высоком тоне реализуются слова с семантикой "маленький", поэтому же, априори, и должен быть высоким тон вопроса: говорящий не уверен в себе и поэтому спрашивает.

Как же можно сочетать в непротиворечивом единстве эти три утверждения: 1) концепцию универсальности восходящего тона при общем вопросе; 2) несомненность наличия в славянском мелодики общего вопроса не с восходящим, а с падающим конечным исходом; 3) утверждение А. Ивонена об отсутствии общего вопроса как мелодемы в финском языке?

Представляется, что на самом деле эти три положения никак не противоречат друг другу. Как это часто бывает, внимательное распространение как будто бы контрадикторных положений обнаруживает некоторую сначала безобидную подмену терминологии, из которой уже далее следует очень существенная подмена реалий. Да, действительно, вопрос и утверждение интонационно различаются по оппозиции: высокий — низкий. Однако конкретные языковые формы реализации этой оппозиции могут быть различными: интонация, как и другие уровни языка, подлежит структурированию. Поэтому *Гуляли?* — *Гуляли* по интонации различаются, и различаются точно по указанной оппозиции: высокий — низкий, но форма этой русской реализации отличается не только, например, от германских языков, но и от языков западнославянских. В русском варианте высокий — низкий есть в первую очередь (на других особенностях мы сейчас не останавливаемся) не реализация терминального контура, а реализация положения ударного слога — носителя фразового ударения: высокое в вопросе и низкое в ответе. Таким образом, высокий — низкий есть понятие более общее, чем восходящий — нисходящий. Последнее не есть синоним первого, но только одно из его воплощений.

Таким образом, славянские факты полностью укладываются в провозглашенную концепцию универсальности интонационного противопоставления вопроса и утверждения.

Обратимся в этом плане к финноугорской интонации. Здесь значимым и доказательным является не "падающий конец", а то, различаются ли вопрос и ответ хотя бы регистром, т.е., в частности, положением главноударного слога. Именно это различие демонстрируют работы К. Венде по восприятию синтезированных высказываний эстонского языка: "... утверждение выражается понижением тона со среднего уровня голоса... вопрос и восклицание выражаются высоким подъемом тона в начале слога"¹².

Таким образом, вопрос и утверждение в эстонском различаются именно положением главноударного слога, который во многих финноугорских языках начальный, поэтому перцептивно это регистровое различие может не реализоваться. Э. Фолди¹³ сравнивает фразовый контур польского и венгерского языков, однако ее анализ направлен лишь на терминальный участок контура и потому может свидетельствовать лишь о том, что терминальные контуры в этих двух языках различаются, но не о том, что в одном из них общий вопрос вообще просодически не выражен.

3. С целью проверить указанные выше типологические схождения славянской и финноугорской вопросительной интонации нами был проведен эксперимент на специально подобранном лингвистическом материале. Были составлены дифференцирующие типы вопросов, интонационные фигуры которых в русском языке различаются. За основу была взята классификация вопросительных предложений и их интонационных типов, предложенная С.В. Кодзасовым¹⁴:

1 а. Общий вопрос с однозначно трактуемым семантическим центром:

Вы эстонец?

1 б. Общий вопрос с неоднозначно трактуемым семантическим центром:

Вы были раньше в Сыктывкаре?

Вам нравится здесь?

1 в. Общий сопоставительный вопрос:

Вам нравится здесь. А в Москве?

1 г. Общий уточняющий вопрос:

Говорите по-фински? Или по-эстонски?

2. Альтернативный вопрос:

Говорите по-фински или по-эстонски?

3. Специальный вопрос:

Откуда Вы приехали?

Какой язык Вы изучаете?

4. Переспрос:

Откуда?

На основании вопросов составлен небольшой квазисвязный текст:

Вы были раньше в Сыктывкаре? — Да, был. — А в Москве?

Откуда Вы приехали? Откуда?

Вы эстонец?

Какой язык Вы изучаете?

Говорите по-фински или по-эстонски? ...

Говорите по-фински?

Или по-эстонски?

Вам нравится здесь?

Этот текст был прочитан (перевод был выполнен носителями соответствующих языков) на эстонском, финском, саамском, горномарийском, эрзямордовском, удмуртском и коми языках на VI Международном конгрессе финноугроведов (г. Сыктывкар, 24—30 июля 1985 г.). Все дикторы, кроме коми, были филологами — участниками конгресса. Чтение на языке коми осуществлялось артистами Коми республиканского драматического театра им. Виктора Савина (мужской и женский голос). Для более точного сравнения с русским языком была проведена запись русского текста в чтении трех дикторов — участников конгресса. На основе магнитофонной записи в Лаборатории экспериментальной фонетики ИРЯ АН СССР были сделаны осциллограммы с эталонной частотой 500 мм сек и отметчиком времени 0,02 мсек. Была также сделана осциллографическая запись финского, эстонского и коми языков в Лаборатории экспериментальной фонетики Университета дружбы народов им. П. Лумумбы (скорость 250 мм/сек и отметчик времени 0,02 мсек). Там же была осуществлена в студийных условиях интонографическая запись русского текста в чтении женского голоса¹⁵.

По данным осциллографического анализа были сделаны графики движения основного тона (F_0).

Обработка и интерпретация указанных данных должна была служить ответом на следующие вопросы:

1. Какие интонационные фигуры реализуются в вопросительных предложениях финноугорских языков?
2. Какова дистрибуция этих фигур?
3. Единообразна ли эта дистрибуция у всех анализировавшихся финноугорских языков?
4. Совпадает ли инвентарь этих фигур с инвентарем интонационных фигур славянских языков?
5. Совпадает ли дистрибуция фигур финноугорского и славянского?

Необходимо при этом отметить, что в имплицитном виде ответы на эти вопросы заключают в себе ответы на другие, конкретные, но не менее важные для наших целей вопросы. Например, за вопросом N 1 (Каков набор интонационных фигур в вопросительных предложениях) скрывается следующая проблема: известна ли финноугорским языкам только одна интонационная фигура вопроса (с падающим концом), как утверждалось рядом исследователей, цитировавшихся выше, или известны интонационные фигуры вопроса с идущим до конца восхождением тона. Только в последнем случае мы имеем право говорить о парадигматическом наборе вопросительных мелодик.

Полученные результаты.

Общий вопрос с однозначным центром: 'Вы эстонец? Коми: *Ti эстонец?*; Удмуртский: *Ti эстон пи-а?*; Саамский: *Ляк тонн эстонка?*; Мордовский: *Ты эстонец?*; Марийский: *Те мари улыда?*; Венгерский: *On észti?*; Финский: *Oletteko virolainen?* Эстонский: *Olete eestlane?*

Реализация этого типа осуществлялась тремя мелодическими фигурами:

1) вершиной мелодического пика является ударный слог слова со значением "эстонец"; до него осуществляется подъем, после него — резкое

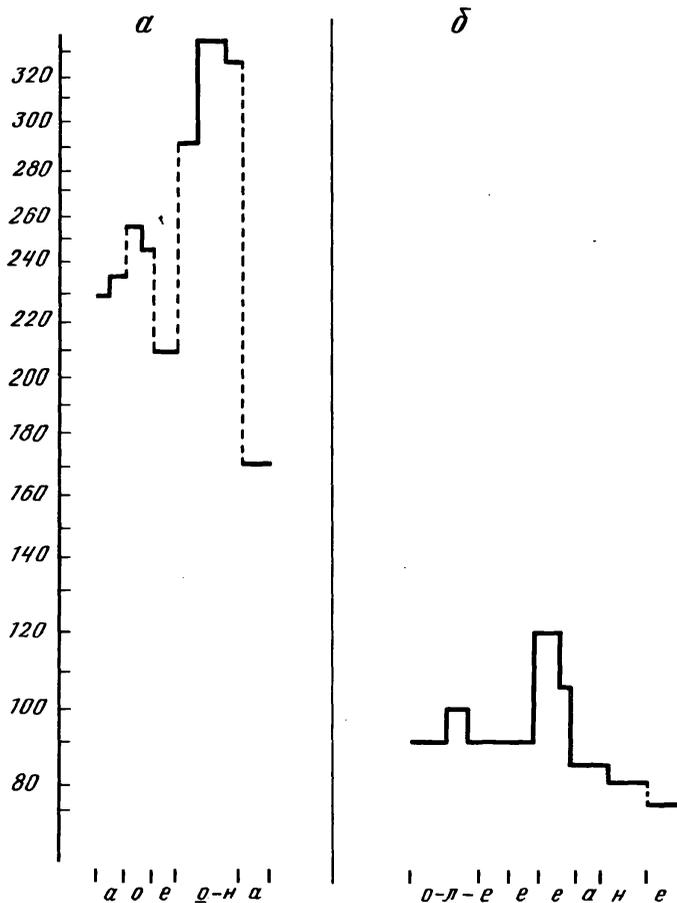

Рис. 1. а) Саамский — *Ляк тонн эстонка?*
 б) Эстонский — *Olete eestlane?*

понижение тона. Фигура:

Именно этот тип мелодики характерен для русского языка. В удмуртском языке этим центром являлась фонетически примыкающая к этому слову частица *а* 'ли';

2) ударный слог начинает восхождение к пику, в предшествующем до него слоге осуществляется падение тона, второе понижение представлено после пика. Фигура:

(См. рис. 1. Саамский: *Ляк тонн эстонка?* и эстонский: *Olete eestlane?*). Этот тип мелодики представлен в саамском, мордовском, коми (женский голос), финском, эстонском и удмуртском языках. Эту фигуру

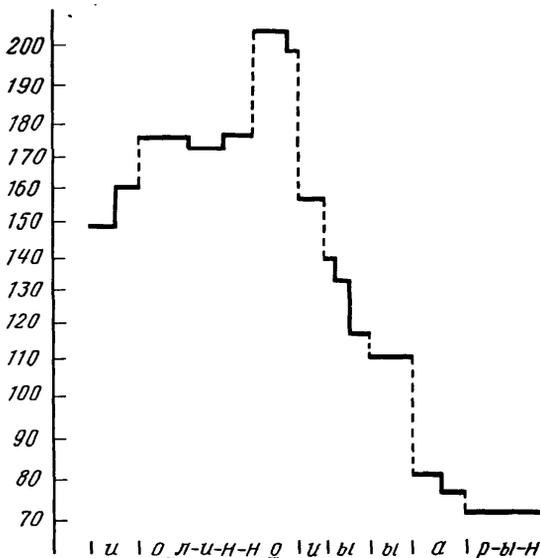
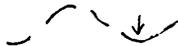

Рис. 2. Коми (мужской голос) — *Ты волниньд Сыктывкарын?*

можно характеризовать как двугорбую, двувершинную. Русскому общему вопросу эта двувершинность мелодики несвойственна. Именно это отличие мелодики русского общего вопроса отмечает и В.И. Петрякина, говоря о двувершинности мелодики общего вопроса с нетональных языках Африки¹⁶.

3) ударный слог является последним, на нем осуществляется повышение, без завершающего понижения. Фигура:

Представлено в венгерском и марийском языках.

Общий вопрос с неоднозначно трактуемым семантическим центром: 'Вы были раньше в Сыктывкаре?'

Коми: *Ті вӧлінньд водзин Сыктывкарын?*; Удмуртский: *Азьыл Сыктывкарын вал-а?*; Мордовский: *Ульниде седе икела Сыктывкарсо?*; Саамский: *Лийек тонн эвтэль Сыдктыфкарэсьт?* Марийский: *Сыктывкарыште ончыч лийында?*; Эстонский: *Olete te varem Sõktõvkaris käinud?*; Финский: *Oletteko ollut aikasemmin Syktyvkarsa?*

Семантическими центрами являлись в разном прочтении слова 'раньше', 'были', 'Сыктывкар'. Мелодическое воплощение было единообразным: резкий подъем осуществлялся к ударному слогу слова — семантического центра, после чего следовало столь же резкое падение тона. (См. рис. 2. Коми: *Ті вӧлінньд водзин Сыктывкарын!*). 'Вам нравится здесь?'

Коми *Тіянлы кажитчӧ тані?*; Удмуртский: *Тунсыко-а тиледлы татын?*; Саамский: *Милясьт тоннэ тысти?*; Мордовский: *Тон мельс тезз тусь?*; Марийский: *Кузе вара немпа?*; Венгерский: *Jöl érzi magát itt?*; Эстонский: *Kas Tesle meeldib siin olla?*; Финский: *Onko teista täällä mielenkiintoista?*

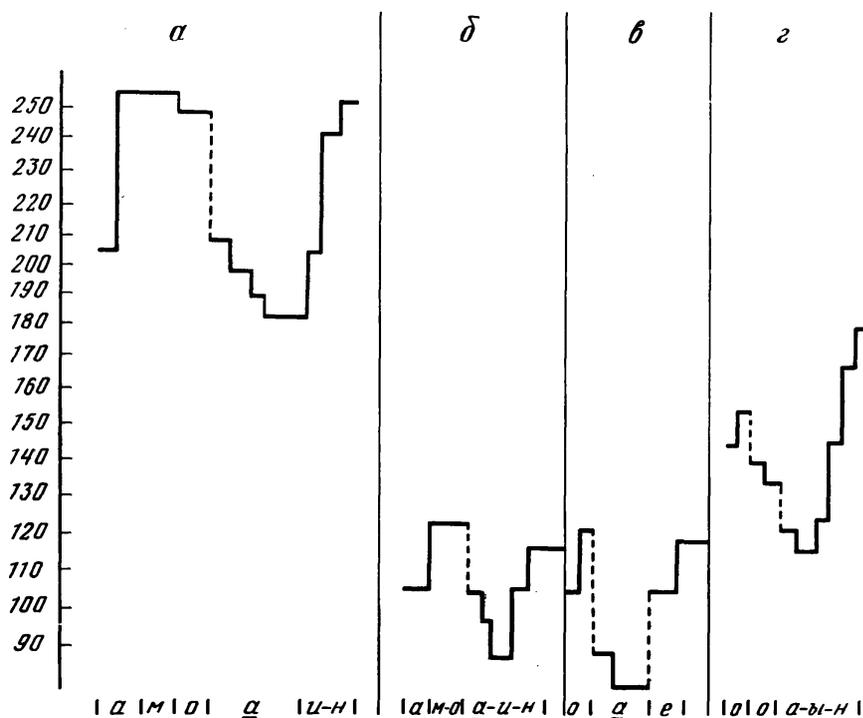

Рис. 3. а) Коми (мужской голос) — *А Москваин?*
 б) Коми (мужской голос) — *А Москваин?*
 в) Марийский — *Москваите?*
 г) Удмуртский — *Нош Москваин?*

В этом случае представлена точно такая же, как и в предыдущем примере, мелодическая конфигурация, центрами были — от диктора к диктору — слова 'здесь' и 'нравится'.

Общий сопоставительный вопрос.

'А в Москве?'

Коми: *А Москваин?*; Марийский: *Москваите?*; Удмуртский: *Нош Москваин?*; Мордовский: *А Московсо?*; Саамский: *А Москвасьт?*; Финский: *Oletteko ollut Moskovassakin?*; Венгерский: *És Moszkvaban?*; Эстонский: *Aga Moskvas?*

Этот тип вопроса (как указывалось в начале, типологически важный) был представлен двумя фигурами. Первая фигура — это мелодика общего вопроса, т.е. различия не было. Вторая — это фигура с низким начальным положением ударного слога и дальнейшим последовательным повышением (см. рис. 3, где эта фигура реализуется в коми, марийском, удмуртском). Обнаружение этого типа мелодики важно по двум причинам. Во-первых, тем самым обнаруживается наличие в финноугорских языках восходящей вопросительной мелодики, что ранее отрицалось. Во-вторых, именно такая модель считается нормативной и для русского

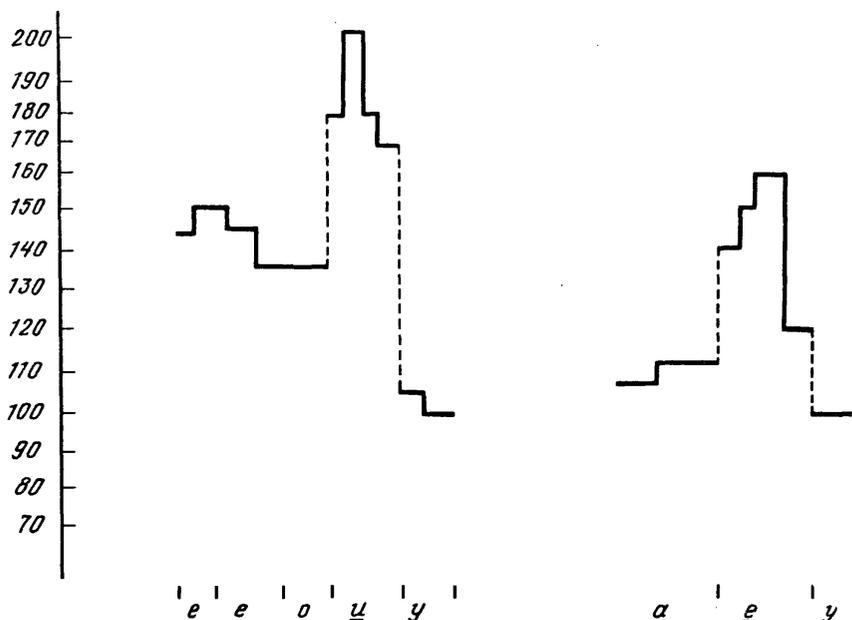

Рис. 4. Венгерский *Beszél on finnul? Hat észtul?*

сопоставительного вопроса (ИК-4, по Е.А. Брызгуновой. Тип *A Наташа?*).

Общий уточняющий вопрос.

'Говорите по-фински? Или по-эстонски?'

Коми: *Сернитанныд финской кывион? Голико эстонской кыв вылын?*;

Мордовский: *Коранань финнэс кельсэ? Эни эстонецкс кельсэ?*; Удмуртский: *Финн сямен вераськиськоды? Эстон сямен вераськиськоды?*;

Марийский: *Финла ойледа? Але эстонла ойледа?*; Саамский: *Сарньнак тонн руцас? Эле эстонскас?*;

Венгерский: *Beszél (on) finnul? Hat észtul?*;

Эстонский: *Kas te säägite soome keeles? Vol eestir?*;

Финский: *Suomeako? Vai viroa?*

Во всех языках анализа была выражена модель

где как бы два двоянных общих вопроса, нерезкое падение в конце осуществлено было только в коми (оба диктора). Мелодическое сходство с русским типом общего уточняющего вопроса несомненно, особенно наглядно это видно в венгерском примере (см. рис. 4). Данные венгерского языка особенно важны, так как в данном случае исключается русское влияние.

Альтернативный вопрос:

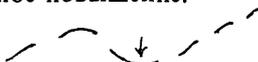
'Говорите по-фински или по-эстонски?'

Коми: *Сернитанныд финской кывион али эстонской кыв вылын?*; Удм.: *Вераськиськоды-а три финн яке эстон кылын?*;

Морд.: *Кортасато*

эстонецко эли финнэн кельсэ?; Саам.: *Сарньнак тонн рукас эле эстон-кас?*; Венг.: *Beszél (on) észtul nagy finnul?*; Эст.: *Kas te säägite soome kas eësti keeles?*; Финский: *Puhutteko suomea vai viroa?*

Первый интонационный центр общего альтернативного вопроса произносился во всех случаях по общей модели ИК-3. Произнесение второго центра осуществлялось в двух вариантах. В первом случае мелодика второго центра повторяла по рисунку мелодике первого, так что получилась двувёршинная кривая, при этом второй центр мог быть ниже первого, быть выше его или располагаться с ним на одной высоте. Эта модель реализовалась в венгерском, удмуртском, эстонском, мордовском языках. Она же была представлена в чтении русских дикторов. Во втором случае на втором центре мелодика понижается, а далее идет постоянное повышение:

т.е. это та же модель, что и в сопоставительном вопросе с А. Это прочтение было в коми, финском и саамском языках.

Специальный вопрос:

‘Откуда Вы приехали?’

Коми: *Кысь тйь воынныд?*; Марийский: *Ты кушеч толын улыда?*; Удмуртский: *Кытысь ты вунды?*; Саамский: *Кассьт ляк тонн пуадтма?*; Мордовский: *Косто тезэнь согде?*; Венгерский: *Honnan jött?*; Финский: *Mistä olette tullut?*; Эстонский: *Kust te tulite?*

Во всех языках мелодика специального вопроса была понижающейся, начало отмечено подъемом к ударному слогу вопросительного слова. Однако сглаженность ударных слогов и общая компактность мелодической конструкции была меньшей, чем в русском языке. Таким образом специальный вопрос в финноугорских языках оказался ближе к контуру повествовательного предложения, отличаясь от него высоким положением начальной части.

‘Какой язык Вы исследуете?’

Предложение читалось по указанной выше мелодической модели. Реальная вариативность контура определялась тем, было ли выделяемой составляющей слово ‘какой’ или группа ‘какой язык’.

Переспрос:

Мелодика переспроса изучалась на основе повторения вопросительного слова ‘Откуда’ (Марийский: *Кушеч?*; Удмуртский: *Кытысь?*; Саамский: *Кассьт?*; Коми: *Кытысь?*; Мордовский: *Косто?*; Венгерский: *Honnan?*; Финский: *Mistä?*; Эстонский: *Kust?*).

В восточнославянских языках этот тип вопроса всегда выражается последовательно повышающимся контуром мелодики.

В анализируемых финноугорских языках переспрос был представлен тремя интонационными фигурами.

Фигура, аналогичная восточнославянской. Была произнесена в марийском, удмуртском, саамском, коми, венгерском языках.

Таблица 1

Мелодическая фигура	Общий вопрос	Сопоставительный вопрос	Общий уточняющий вопрос	Альтернативный вопрос	Переспрос
	коми, удмуртский, эстонский, финский, мордовский, саамский	эстонский, венгерский, мордовский	удмуртский, марийский, финский, саамский, коми, мордовский, эстонский, венгерский	венгерский, удмуртский, эстонский, мордовский	финский, эстонский, мордовский
	марийский, венгерский	коми, марийский, удмуртский, финский		коми, финский, саамский, марийский	
		саамский			марийский, саамский, коми, венгерский

Фигура общего вопроса с повышением на ударном и понижением. (ИК—3). Была произнесена в мордовском и финском языках.

Фигура с мелодическим понижением, близкая по форме к специальному вопросу. Была представлена в эстонском языке.

4. Полученные данные явились основой для построения таблицы дистрибуции типов вопросительной мелодики для финноугорских языков, проанализированных в нашей работе. Единообразно реализованный специальный вопрос целесообразно было исключить из рассмотрения, хотя в связи с этим встает интересный вопрос о почти универсальном тяготении языков всех генетических групп именно к такой форме мелодики специального вопроса.

Рассматривалась дистрибуция трех мелодических фигур.

1. Ударный слог расположен высоко, на заударных осуществляется падение тона:

2. Ударный слог занимает низкое положение, после него начинается повышение тона:

3. Ударный слог является центром последовательного повышения мелодики:

(см. табл. 1).

Судя по данным таблицы, анализировавшиеся финноугорские языки делятся на две группы: 1) те языки, для которых ни для одного типа вопроса не засвидетельствована восходящая мелодика в конце. Это

эстонский и мордовский. Обнаруженное отсутствие восходящего тона в эстонском языке соответствует тем исследованиям, на которые были сделаны ссылки выше; относительно мордовского языка необходимы дальнейшие уточнения; 2) языки с двумя типами терминального контура в вопросительных предложениях: нисходящим и восходящим: коми, удмуртский, финский, саамский, марийский, венгерский.

Существенным является вывод о том, что большинству финноугорских языков известен восходящий терминальный контур в вопросах. Какова же дистрибуция этих двух мелодических типов по типам вопросов? Насколько можно видеть из таблицы, она близка к восточнославянскому распределению типов мелодики: конечное падение ударных тяготеет к общему вопросу, конечное повышение — к сопоставительному вопросу и переспросу. Однако общая картина представляется гораздо более пестрой, что объясняется двумя обстоятельствами. Одно из них — чисто языковое: в анализированных языках возможна синонимия интонационных форм и их свободное варьирование. Второе обстоятельство — лингвистическое: финноугорские языки рассматривались нами как некое целое, что возможно только для начального этапа исследования, каковым наша работа и является.

Но и на этом этапе сходство с русской (восточнославянской?) интонационной системой несомненно.

5. Гораздо более сложными представляются пути к интерпретации этого сходства. Типов этой интерпретации, как представляется, может быть три (причем они не исключают друг друга): 1) генетическое; 2) интерференционное; 3) типологически-фонетическое.

Отсутствие необходимой компаративистской подготовки не дает нам возможности обращаться всерьез к интерпретации первого типа. Вторая попытка объяснения осложнена лингвистически не всегда ясной историей взаимовлияния и контакта русского и финноугорских языков. Финноугорские языки связаны с русским большим числом еще не полностью выявленных сходжений¹⁷. Однако и русский язык оказывал сильное влияние на контактные финноугорские. Сложнее всего то, что в данном случае эти взаимовлияния могли быть циклическими. Поскольку описанная интонация общего вопроса отмечается и для венгерского, и для финского, и для эстонского, говорить об исключительном русском влиянии не приходится. Но не приходится говорить и об одностороннем влиянии финноугорских языков. Так, обращаясь к таблице, мы видим как бы две модели (или два варианта) для саамского: в одном из них явно тяготение к восходящему мелодическому концу. Нечто подобное отмечено Р.Ф. Пауфосимой для севернорусских говоров¹⁸, соседствующих с финноугорскими: наблюдается терминальное повышение, не ИК-3, а ИК-4, или произнесение в повышенном регистре.

Фонетическое объяснение связывает интонацию фразы с типом просодии слова. Безусловно, тип с высоким ударным и падающими заударными может реализоваться только в том случае, если ударный гласный слова-носителя фразового ударения отмечен усиленной длительностью. Иначе интонационная фигура этого "циркумфлексного" типа просто не успеет реализоваться. Это продление ударного сло-

га, судя по ряду уже бесспорных данных, характеризует русское ударение. И именно длительность, как показал ряд экспериментальных исследований¹⁹, отличает ударный слог слова у финноугорских языков Поволжья. Вообще квантитативная система слова нигде не представлена в такой многоступенчатой и фонологически значимой реализации, как в финноугорских языках (анализировать здесь все работы об эстонской и финской длительности и ее фонетической и фонологической сути не представляется необходимым).

Второй существенный фактор, формирующий русское слово и позволяющий ярко реализовать указанную мелодику общего вопроса, — это редукция неударных гласных, делающая ударный слог все подавляющим центром слова²⁰. Эта просодическая черта русского слова в свою очередь неотделима от общего решения вопроса о русском "аканье"; что в свою очередь возвращает к многократно обсуждавшейся проблеме финноугорского субстрата.

Итак, вопрос о чисто структурных сходствах мелодем вопроса в финноугорских и славянских языках, а также сходства их дистрибуции может быть пока решен в чисто описательном плане. Корни подлинного решения — в обсуждении вопроса о контактах этих семей на различных этапах как языковой, так и этнической истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так, широкая гамма типологического разнообразия представлена мелодикой общего вопроса в интонации языков Африки (*Петрякина В.И. Функциональный аспект интонации и типология языков // Просодия слога — слова — фразы. М., 1981.*)

² См.: *Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.*

³ *Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М., 1969.*

⁴ См. статью *Р.Ф. Пауфошмы* в наст. сборнике.

⁵ *Gósy M. Acoustic parameters and linguistic function in the perception of speech melody and stress // Hungarian papers in phonetics. 1979. N 4; Földi E. Intonational means of expressing questionhood in Hungarian and Polish // Hungarian papers in phonetics. 1980. N 5; Gósy M. The perception of intonation from a confrontative point of view // Ibidem; Vende K. Intonation of question and answer in Estonian // Estonian papers in phonetics. 1980—1981.*

⁶ В этой связи важно и другое наблюдение *Р.Ф. Пауфошмы* относительно просодии слова и фразы в севернорусских говорах. Она пишет о тенденции "не усиливать конец фразы замедлением темпа и не нагружать его фразовым ударением", этой тенденции, возможно, "отвечает характерное для севернорусских говоров размещение в конце фразы семантически "пустых" слов — частиц, союзов" (*Пауфошма Р.Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах М., 1984. С. 18*),

⁷ *Iivonen A. Is there interrogative intonation in Finnish? // Nordic prosody. Lund, 1978. Lund, 1978.*

⁸ Высказывание *П. Аристэ. Цит. по: Ваараск П.К. Тонические средства речи. Таллин, 1969. Т. 2. С. 13.*

⁹ *Bolinger D.L. Intonation as a universal // Proceedings of 9-th congress of linguists. The Hague: Paris. 1964; Bolinger D. Intonation across languages // Human language. Standford, 1978.*

¹⁰ *Bolinger D.L. Intonation across languages. P. 502.*

¹¹ *Ohala J.J. Cross-language use of pitch: ethological view // Phonetica. 1983. N 1; Ohala J.J. An ethological perspective on common cross-language utilization of F⁰ of voice // Phonetica. 1984. N 1.*

¹² *Vende K. Op. cit. P. 107.*

¹³ *Földi E. Intonational means of expressing questionhood in Hungarian and Polish // Hungarian papers in phonetics. 1980. N 5.*

- ¹⁴ *Кодзасов С.В.* Интонация вопросительных предложений: форма и функции // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985.
- ¹⁵ Пользуюсь случаем выразить самую искреннюю признательность за помощь и предоставление возможности получения соответствующих данных Р.Ф. Пауфощиме и В.И. Петрянкиной.
- ¹⁶ *Петрянкина В.И.* Указ. соч.
- ¹⁷ *Kiparsky V.* Gibt es ein Finnoougrisches Substrat in Slavischen? Helsinki, 1969.
- ¹⁸ *Пауфощима Р.Ф.* Фонетика фразы и слова в севернорусских говорах.
- ¹⁹ См., в частности: *Денисов В.Н.* Фонетическая характеристика ударения в современном удмуртском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980.
- ²⁰ См.: *Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Щербакова Л.П.* Об определении места ударения в слове // Изв. АН СССР. Серия лит-ры и яз. 1973. Вып. 3.

Л.В. БОНДАРКО, Е.С. МАСЛОВА
**СЛОГОВАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА
 И ИНФОРМАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОГА**

Любой звучащий текст организован как последовательность слогов, которая является базой его просодической организации. Образно говоря, именно эта слоговая последовательность служит своеобразной канвой, на которую наносится сложный узор интонационного оформления, зависящий от смысловой организации высказывания. Среди других славянских языков русский язык занимает в этом отношении особое место, поскольку приметы фонетической цельнооформленности слова, как и весь его фонетический облик, оказываются в нем наименее устойчивыми: Т.М. Николаева, говоря о различных видах включенности слова во фразовую интонацию, пишет, что среди славянских языков русский язык ближе всего к такой ситуации, когда "слова как бы растворяются во фразово-интонационных единицах, подчиняясь им" (Николаева. 1977, с. 261). Этому способствуют не только изменения временных, динамических и мелодических характеристик слова, происходящие под влиянием фразовой интонации, но и тенденция к образованию открытых слогов, о которой пишут многие исследователи русской фонетики. Реализация этой тенденции приводит к тому, что слоговая граница может проходить не только внутри односложного слова — "дом у меня хороший" = ДО — МУ — МЕ — НЯ — ХО — РО — ШИЙ, но и довольно серьезно модифицировать звуковую и слоговую организацию словоформы, имеющей клитики: "из лесу" = И — ЗЛЕ — СУ и т.д.

Вопрос о соотношении морфемных и даже словных и слоговых границ в настоящее время — как и в прежние времена — не имеет однозначного решения, и рассмотрение отдельно произносимых слов дает основание для противоположных утверждений: одни исследователи считают, что морфемное и особенно словное членение существенно для слогового (Аванесов, 1956), другие же исходят из независимости этих двух видов членения.

В последние десятилетия эта вторая точка зрения получила подкрепление в виде целого ряда исследований прикладного характера. Основные результаты этих исследований можно свести к следующим